

М.П. Чёрная, С.Ф. Татауров

ОГРАЖДЕНИЯ В БЫТОВОМ КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКА И ТАРЫ)

*Статья подготовлена при поддержке Томского государственного университета (проект № 8. 1. 19. 2015.
«Археолого-этнографические исследования Сибири: наука, образование, музей»).*

Рассматриваются ограждения – деталь планировочной структуры усадебного комплекса. Анализ их функций и конструктивных особенностей на материалах Томска и Тары в широком сравнительно-историческом контексте выявляет традиционность оград в повседневной культуре средневекового города и воспроизводимость этого элемента в современной застройке.

Ключевые слова: ограждения; усадьба; Томск; Тара; традиции и современность.

Предметом исследования данной работы служит такой заметный элемент планировочной структуры дворового комплекса, как ограждения. В статье рассматриваются два проблемных аспекта: 1) являются ли ограды неперенным атрибутом усадьбы; 2) функциональные и конструктивные особенности ограждений. Для изучения вопроса в генезисе и динамике чрезвычайно важны археологические и этнографические источники, которые позволяют охватить диапазон существования усадебных ограждений от Средневековья до современности. Авторы опираются на материалы по Томску и Таре, которые сохраняют археологический контекст своей истории, а сравнение данных позволяет увидеть разнообразие оград и неоднозначность их интерпретации в качестве обязательно-го элемента для оформления границ усадьбы.

Постоянным местом обитания человека в средневековом русском городе была усадьба, она представляла собой дворовый участок с жилыми, хозяйственными постройками, коммуникациями и содержала всё необходимое для существования живших здесь людей. Усадьба являлась не только основным модулем городской застройки, но и основной социально-экономической единицей, хозяин которой, имея под рукой необходимое дворовое имущество, был способен платить подати [1. С. 180; 2. С. 65; 3. С. 24; 4. С. 31; 5. С. 26; 6. С. 157, 163; и др.].

Со временем сама усадьба и её роль в формировании социокультурного облика города неизбежно менялись. Процесс этот происходил неравномерно. В крупных городах современная жилая среда оформлена многоквартирными домами, их расстановка не образует замкнутого пространства и определяет лишь условные границы дворов, которые в большинстве случаев являются проходными. А вот исторический облик малых городов сохраняется благодаря усадебной застройке. Это хорошо иллюстрирует сравнение двух исторических городов, почти ровесников: Тары (1594 г.) и Томска (1604 г.). Тарские дворы с одно-, двухэтажными жилыми домами и подсобными постройками огорожены забором и имеют неперенный

элемент – ворота. Если забор или ворота обветшали, их подновляют. При строительстве новых особняков из кирпича, стекла, бетона обязательно возводят высокую глухую ограду и ставят ворота, по-модному облицованные сайдингом. Ограждённые усадьбы с воротами, которые и связывают, и отгораживают внутренний мир двора от внешней среды, удерживают вполне этнографичный образ Тары. В отличие от Тары, в Томске усадеб XIX – начала XX в. почти нет, «фоновой» застройки с каждым годом становится всё меньше, а сохраняющиеся памятники деревянной архитектуры утрачивают свою историческую среду, в первую очередь такие её элементы, как ворота и ограждения.

При обращении к истории архитектурного оформления усадьбы встаёт вопрос и о дворовых оградах.

При раскопках городских усадеб часто находят остатки частоколов или следов их вкапывания в виде столбовых ямок, канавок с нижними частями тынин и уплотнительных лаг. Ископаемые частоколы обычно проходили по одним и тем же определённым линиям, их трассы во многих случаях не менялись столетиями, что говорит об относительной устойчивости планировки городской застройки [7. С. 7, 45; 8. С. 118; 9. С. 72, 73; 2. С. 65, 66; 10. С. 150, 156; и др.].

И.К. Лабутина высказала мнение, что границы, обозначенные частоколами, являются реальными признаками дворов, на которые должен опираться исследователь, а остатки ограждений служат критерием для выделения археологизированных усадеб. Отсутствие же дворовых оград свидетельствует либо о том, что они не сохранились, что во многих случаях очевидно, либо об ином характере застройки [3. С. 24, 25]. Это мнение разделял А.С. Хорошев, подчеркнув присутствие ограждений во всех раскопанных усадьбах Новгорода [11. С. 411].

Следы заборов далеко не всегда сохраняются в культурном слое. Скажем, в мокром культурном слое Тары, насыщенном мочевиной, которая консервирует археологическую древесину, фиксируются следы даже лёгких плетневых конструкций. В сухом же слое Том-

ска древесина сильно разрушена. В томской воеводской усадьбе на период её существования (середина XVII – середина XVIII в.) ограждений не обнаружено. Более поздний раскопанный частокол построен уже после вынесения воеводского двора за пределы кремля, чтобы отгородить оставшиеся постройки бывшей усадьбы от мостовой, ведущей к проездной башне (рис. 1). Ещё более поздний частокол был поставлен вместе с Воскресенской полицейской управой в середине XIX в., его восточное прясло выявлено в длину на 34 м [12. С. 45, рис. 8, 14] (рис. 2).

Всегда ли отсутствие следов ограждений означает их полное разрушение или же является свидетельством другого – не дворового – комплекса застройки? Были ли ограждения неперменной принадлежностью усадьбы?

Н.Д. Чечулин, изучавший русские дворы XVI в. по письменным и иллюстративным источникам, пришёл к следующему заключению: «Едва ли нужно думать, что тогда все дворы были обносимы забором; ещё и теперь на севере в деревнях ставятся дворы, почти всегда без заборов или частоколов, да и в наших писцовых книгах только изредка упоминается о городьбе около двора и о воротах, <...> забор или замёт не был неперменной и постоянной принадлежностью двора» [13. С. 301]. Так, двор князя И. Мстиславского в Веневе «был обнесён тыном лишь наполовину, другая же половина оставалась ”проста“ [Там же. 308].

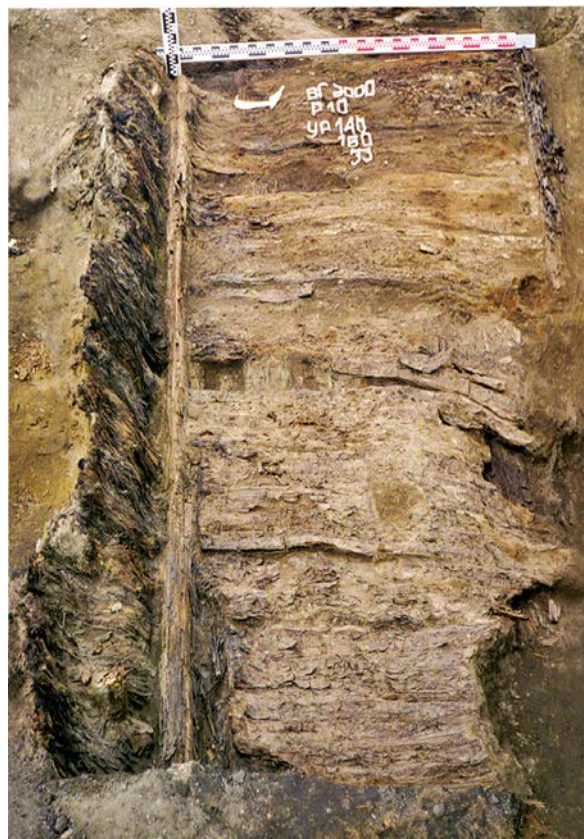

Рис. 1. Частокол и мостовая в Томском кремле (середина – вторая половина XVIII в.)

Рис. 2. Остатки частокольной изгороди в Томском кремле (вторая половина XIX в.)

Необходимость возведения дворового ограждения зависела от степени упорядоченности городской застройки, планировки и места расположения усадьбы на поселении, хозяйственной целесообразности, достатка и желания хозяина. Ограды являлись вторичным признаком: неогороженный жилищно-хозяйственный комплекс не переставал быть двором. Вряд ли поэтому можно согласиться с тем, что частоколы выступают ведущим критерием выделения дворов, как предложила И.К. Лабутина. Это реальный признак в том случае,

когда ограды присутствовали изначально и их существование доказуемо. Если следов ограждений не обнаружено потому, что их не было или они не сохранились, это не меняет качественного содержания усадьбы. Суть усадьбы определяло взаимосвязанное функционирование построек жилищно-хозяйственного комплекса, объединённых общей территорией, что обеспечивало условия существования семьи. При этом «дворовое место» могли огородить или не огородить [14. С. 166–168]. Важно подчеркнуть, что внешнее ограж-

дение совсем не обязательно должно было быть непрерывным и опоясывать усадьбу по всему периметру или даже большей его части. Границы усадьбы зачастую были оформлены самими постройками, поставленными вплотную или с интервалами, между постройками могли поставить городьбу или оставить пространство «простым».

Городьба в структуре двора или города выполняла планировочно-разграничительную и охранно-заградительную функции. Ограды могли отделять одну усадьбу от другой или от улицы, «чистый» двор от «хозяйственного», «скотного» или от огорода. Конструкции оград были самыми различными, что определялось их месторасположением и предназначением. Внутренние изгороди – частокольные и более лёгкие – жердевые, плетневые. Внешние ограды в виде «острога стоячего» из брёвен или «заплота лежачего» могли при случае выдержать осаду, как это произошло с нарымским воеводой И.Л. Скобелыным, который во время городских волнений «от убойства ушел, сидел в осаде на дворишке» [15. С. 232]. Иногда внешняя ограда усадьбы прерывалась постройками, поставленными по периметру, например на воеводском дворе в Епанчине: постройки и заплот между ними поставлены по одной линии [16. Л. 12].

Рассмотрим конструктивно-технические особенности ограждений и их динамику на примере Тары, где привычка ставить ограды с воротами – не отживающая, а развивающаяся традиция, идущая через столетия.

Этому способствовало превращение Тары с начала XIX в. в небольшой провинциальный город со слабой текучкой населения, поэтому деревообработка и домостроительство в известной мере законсервировались и практически все приёмы строительства, в том числе и устройство изгородей, мы находим на фотографиях города конца XIX – начала XX в.

В Таре обнаружены остатки нескольких дворовых комплексов. Один из них – в самом центре исторической части города – функционировал в XVII–XIX вв. и за это время не менее 4 раз отстраивался заново после пожаров. По результатам раскопок сделана реконструкция облика усадьбы на одном из этапов её существования [17]. В плане усадьба представляла собой прямоугольник (ориентированный практически точно по сторонам света), в котором здания были размещены по периметру, а в центре находился частично перекрытый навесом двор (рис. 3). В состав усадьбы входили жилой дом, баня, изба для челяди, колодец и погреб с напогребницей. Такая застройка практически полностью соответствует общепринятой в северо-европейской части России планиграфии усадьбы, но имеет более закрытый вид. Е.А. Ащепков отмечал, что климатические и экономические условия Сибири повлияли в известной мере на планировку двора-усадьбы. «Желание собственника лучше организовать свой двор, защитить свое хозяйство от жестоких морозов и ветров привело к созданию крытых, замкнутых дворов, оправдавших себя в суровых зимних условиях» [18. С. 22].

Рис. 3. Реконструкция тарской усадьбы по материалам раскопок

При раскопках выявлены остатки оград разной конструкции – заплотные, частокольные, плетневые. До

середины XVIII в. в Таре не было лесопилки, поэтому для городьбы использовался тёс. Его изготовление бы-

ло одним из поводов для недовольства тарских казаков: «Всякие государевы изделия делаем <...>, и воеводские двory ставим и починиваем, и бревна, и тес, и всякий лес возим, <...> и изгороди около государевых полей городим» [19. С. 100]. Тара на протяжении XVII в. была пограничным городом, поэтому усадьбы представляли «самостоятельные небольшие крепости, закрываемые на ночь крепкими тесовыми воротами» [18. С. 27]. Меры по повышению обороноспособности оказались действенными, раз город, неоднократно подвергавшийся осадам, взят не был. Наиболее прочно в тарских усадьбах в острожной и крепостной частях города строили ворота (рис. 4). Двустворчатые ворота предназначались для проезда гужевого транспорта – телег, саней, розвальней, дрожек, а калитка – для прохода

пеших. Для лошадей и транспорта гостей к одному из воротных столбов прибавляли специальное кольцо либо на улице перед домами устраивали коновязи – на несколько дворов из-за определенной тесноты застройки. В воротных столбах, имевших диаметр 0,6–0,8 м и высоту не менее 2,5 м, вырубали пазы так, чтобы створки ворот открывались только наружу и не выступали за линию заплота. С внутренней стороны ворота закладывались в пазы специальным брусом. В промежутках между строениями усадьбы при необходимости (и возможности) могли соорудить в технике вертикальной набирки «заплот стоячий», основу которого составляло горизонтальное бревно с пазом, куда вставляли тесанные плахи, полубрёвна или брёвна. Высота заплотов была не менее 2 м, ширина прясел – от 3 до 4 м (рис. 5).

Рис. 4. Ворота в усадьбу в острожной части Тары

В связи с трудоёмкостью изготовления теса заплоты ставили только на уличной стороне усадьбы, остальные огораживали частоколом. Один из раскопанных частоколов сделан из жердей толщиной 15–18 см, вкопанных на расстоянии 5–8 см друг от друга на глубину 0,5 м и более – для повышения устойчивости ограды [20] (рис. 6). Высота частоколов варьировала от 1,5 до 2 м. Существовали в Таре и ограждения типа плетня, остатки подобной конструкции обнаружены в ходе раскопок (рис. 7). Отдельно расположенные загоны для скота, казённые пашни огораживали поскутиной – жердевой загородкой в 2 или 3 ряда со столбами через 5–6 м. В городе их использовали только как временное ограждение.

В конце первой четверти XVIII в. в городе резко возросло число плотников – 32 чел., составивших в 1720 г. самую большую категорию мастеровых из 113 ремесленников. Судя по «Ведомости о доходах и расходах Сибирской губернии», лесопилки в Таре до 1744 г. не было [19. С. 121].

Возможно, готовые доски возили в Тару из с. Евгашино, где примерно в это время строится лесопилка. Потребность в пиломатериалах резко возрастает во второй половине XVIII в. в связи с бурным строительством каменных храмов, магазинов и жилых домов, для отделки которых тес уже не годился.

Рис. 5. Заплот в усадьбе в подгородной части Тары, конец XIX в. (Из фондов Тарского краеведческого музея)

Рис. 6. Частокол в острожной части Тары

Всплеск строительной деятельности был вызван статусным изменением города: после строительства третьей укрепленной Линии (Горькой) Тара оказалась в глубоком тылу, крепость была скрыта. Это привело к резкому расширению посадов, причём по деревенскому принципу: новые усадьбы имели большие огороды, окружённые заборами (рис. 8). В разы увеличивается и число оград. В отличие от Тары и Бергамаского острога, где часто ставили заплоты, в том числе с оборонительной целью, в деревнях, как показали раскопки поселений Изюк I и Ананьино I, усадьбы ограждали частоколами, хотя жители знали технологию заплотов и использовали ее при сооружении хозяйственных построек [21; 22. Рис. 61, 62].

В начале XIX в. с расширением использования пиломатериалов и отходов от изготовления досок — горбыля — частоколы в усадьбах и вокруг палисадников заменяют на

изгороди-штaketники из реек или плетни. С развитием кузнечного дела в Таре храмовые комплексы окружают металлическими коваными оградами, на смену заплотам вдоль улиц приходят заборы из досок и горбылей, прибитых гвоздями. Массовое внедрение гвоздей в строительство в Западной Сибири происходит только с середины XVIII в. — в связи с распространением пилы и лесопилок [23. С. 234–241]. Это подтверждают материалы раскопок в Таре: в деревянных конструкциях, в том числе и заборах, вплоть до XIX в. гвоздь отсутствует. Кстати, при раскопках в Томске гвозди, прежде всего строительные, составили наиболее массовую категорию находок XVII–XVIII вв., на их долю приходится свыше 50% от всех металлических изделий. Это один из показателей высокого статуса Томского кремля и воеводской усадьбы, расположенной на его территории [14. С. 132–135; 24. С. 223–232].

Рис. 7. Опорные парные столбики от плетневой изгороди на усадьбе Тары

Рис. 8. Изгороди в усадьбах в подгородной части Тары, конец XIX в. (Из фондов Тарского краеведческого музея)

Дворовые ограды в средневековом городе были привычной, хотя и не всегда обязательной деталью усадебной застройки. Со второй половины XX в. в ходе урбанизации и распространения больших многоквартирных домов дворовые ограды как планировочно-разграничительный и охранно-заградительный элемент

практически исчезли из оформления жилой среды. Однако в малых городах изгороди продолжали оставаться востребованным и узнаваемым атрибутом дворов. Сегодня ограждения стали возвращаться и в крупные города в качестве неременной принадлежности элитарной застройки, а также как деталь воссоздаваемой ис-

торической среды. Каковы бы ни были предназначение и конструкция оград, они остаются воспроизводимым, пусть и неравномерно, элементом повседневной культуры, истоки которого уходят в глубину веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даркевич В.П. Усадьбы XVII века в Старой Рязани // Российская археология 1994. № 1. С. 180–190.
2. Кутовой А.И. Усадьбы как основные элементы градостроительства структуры древнерусского города // Древнерусский город : матер. Всесоюз. археолог. конф. Киев : Наукова думка, 1984. С. 65–67.
3. Лабутина И.К. Двор в средневековом Пскове (некоторые аспекты археологического изучения) // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-западной части СССР. Рига : Зинатне, 1983. С. 23–26.
4. Литинская В.А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // Советская этнография. 1975. № 5. С. 31–41.
5. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1992. 197 с.
6. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. : Наука, 1975. С. 156–244.
7. Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 123: Жилища древнего Новгорода. С. 5–165.
8. Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И. Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли : матер. науч. семинара. М. : Ин-т археологии РАН ; СПб. : Нестор-История, 2011. Вып. 3. С. 111–121.
9. Корчагин П.А. Археологическое изучение усадьбы конца XVII века в г. Верхотурье // Интеграция археологических и этнографических исследований : матер. VI Всерос. науч. семинара. М. ; Омск : Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1999. С. 146–149.
10. Оборин В.А. Орёл-городок – русский опорный пункт в Прикамье (XVI–XVII вв.) // Учёные зап. / Молотов. ун-т. 1957. Т. 10, вып. 3. С. 145–164.
11. Хорошев А.С. Новгородские усадьбы X–XV вв. // Славянский средневековый город : Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии. М. : Фонд археологии, 1997. Т. 2 : Славянский средневековый город. С. 411–424.
12. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 187 с.
13. Чечулин Н.Д. Русские деревянные жилые постройки в XVI веке // Записки Русского археологического общества. Новая серия. 1983. Т. 6, вып. 3–4. С. 297–309.
14. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг. : историко-археологическая реконструкция. Томск : Д-Принт, 2015. 276 с.
15. Зольникова Н.Д. «Нарымское дело» 1642–1647 гг. // Древнерусская рукописная книга и её бытование в Сибири. Новосибирск : Наука, 1982. С. 211–234.
16. Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб. : [Б. и.], 1882. 6 с. 25 карт.
17. Татауров С.Ф., Чёрная М.П. Усадьба в Тарской крепости: опыт реконструкции комплекса // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : к 50-летию Л.В. Татауровой. Омск : Издатель-Полиграфист, 2015. С. 214–219.
18. Лицков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М. : Академия архитектуры СССР, 1950. 140 с.
19. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск : Амфора, 2014. 332 с.
20. Тихонов С.С. Отчет о проведении работ на объекте археологического наследия «Городище» Тарский кремль в 2010 г. // Архив Музея народов Сибири Омского филиала ИАЭТ СО РАН. Ф. 7-1. Д. 41.
21. Татаурова Л.В. Отчет о раскопках поселения Бергамак I в Муромцевском районе Омской области в 1996 г. // Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. 1996. Ф. II, Д. 116-1, 116-2.
22. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований) / Л.В. Татаурова, С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров, К.Н. Тихомиров, С.С. Тихонов. Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
23. Татауров С.Ф. Гвоздь в Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2004. Т. 8. С. 234–241.
24. Чёрная М.П. Роль воеводской усадьбы в формировании социального облика средневекового города // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 223–232.

Chernaya Mariya P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mariakreml@mail.ru; Tataurov Sergey F. Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

FENCES IN DOMESTIC CONTEXT OF URBAN MANOR (ON TOMSK AND TARA MATERIAL).

Keywords: fences; manor; Tomsk; Tara; traditions and the present.

The article analyses fences as an element of the planning structure of an estate complex. Two problematic aspects are considered: 1) whether fences constitute a necessary attribute of an estate; 2) what are functional and structural features of fences. The study is based on archaeological and ethnographic sources which cover the period of fences' existence since the Middle Ages till today. The authors draw on the materials of Tomsk and Tara which preserve the archaeological context of their history, whereas the comparing of the data allows to see the variety of fences and the ambiguity of their interpretation as a mandatory element for setting estate's borders. The need for the construction of the yard fence depended on the degree of the urban development order, planning, location of an estate in the settlement, practical use, prosperity and desire of the owner. Fences constituted a secondary feature: a housing complex without a fence was still a courtyard. Comparing two urban settlements of almost same age: Tara (1594) and Tomsk (1604) illustrates the uneven process of change in the historical look of big and small cities. Tara yards with one- or two-storey residential houses and back constructions are fenced and have got a gate as a necessary element. The fenced estates with the gates retain quite an ethnographic image of Tara. Unlike Tara, there are almost no estates of the 19th to the beginning of the 20th century in Tomsk and the wooden architecture monuments that are preserved here lose their historical environment, including, first of all, such elements of its as the gates and fences. The fence in the yard structure used to fulfill the function of planning, demarcation, and of barrier as well as the security function. Fences could separate one estate from another or from the street, the "clean" yard from the "back" one, the "cattle" yard from the garden. The design of the fences was defined by their location and purpose and varied a lot. The internal fences were the picket ones as well as the lighter ones which are thin pole and wicker fences. The external fences were made of "ostrozhdina" that is of logs with a sharp apex and of "zaplot" that is of horizontally stacked logs fixed in the slots of vertical pillars. The yard fence in a medieval city was a common although not always a mandatory element of an estate. From the second half of the 20th century, in the course of urbanization and the spread of big multi-storey houses, yard fences almost disappeared as an element of planning and demarcation, barrier and security from the design of residential areas. However, in small cities, fences continued to be in use and to constitute a recognizable attribute of yards.

Today, fences are reintroduced in big cities as an indispensable part of elite estates as well as an element of the reconstructed historical environment.

REFERENCES

1. Darkevich, V.P. (1994) *Usad'by XVII veka v Staroy Ryazani* [The country estates of the 17th century]. *Rossiyskaya arkhеologiya*. 1. pp. 180-190.
2. Kutovoy, A.I. (1984) [Country estates as the key elements of urban development of the ancient city]. *Drevnerusskiy gorod* [The Old Russian city]. Proc. of the All-Russian Archeological Conference. Kiev : Naukova dumka. pp. 65-67. (In Russian).
3. Labutina, I.K. (1983) Dvor v srednevekovom Pskove (nekotorye aspekty arkhеologicheskogo izucheniya) [The homestead in the medieval Pskov (some aspects of archaeological research)]. In: *Problemy izucheniya drevnego domostroitel'stva v VIII–XIV vv. v Severo-zapadnoy chasti SSSR* [The study of the ancient house keeping in the 8th – 14th centuries. The North-Western part of the USSR]. Riga: Zinatne. pp. 23-26.
4. Lipinskaya, V.A. (1975) Tipy zastroyki usad'by russkogo naseleniya Zapadnoy Sibiri [Types of building in the country estates of the Russian population in Western Siberia]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 31-41.
5. Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhil'y Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XVIII v.)* [The old-timers of Siberia: the historical and ethnographic essays (the 17th – early 18th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Rabinovich, M.G. (1975) Russkoe zhilishche v XIII–XVII vv. [The Russian home in the 13th – 17th centuries]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient dwellings in Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 156-244.
7. Zasurtsev, P.I. (1963) Usad'by i postroyki drevnego Novgoroda [Estates and buildings of Ancient Novgorod]. *Materialy i issledovaniya po arkhеologii SSSR*. 123. pp. 5-165.
8. Zelentsova, O.V., Kuzina, I.N. & Milovanov, S.I. (2011) [Old Russian manors from excavations in the city of Vladimir Monomakh in 2008]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli* [Archeology of Vladimir-Suzdal]. Proc. of the Research Seminar. seminar. Moscow: Institute of Archeology, RAS; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 111-121.
9. Korchagin, P.A. (1999) [Archaeological study of the late 17th-century manor house in Verkhoturys]. *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic research]. Proc. of the 6th Research Seminar. Moscow, Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 146-149.
10. Oborin, V.A. (1957) Orel-gorodok – russkiy oporny punkt v Prikam'e (XVI–XVII vv.) [Orel-gorodok – the Russian stronghold in the Kama area (the 16th – 17th centuries.)]. *Uchenye zapiski of the Molotov University*. 10(3). pp. 145-164.
11. Khoroshev, A.S. (1997) [The Novgorod manor in the 10th–15th centuries]. *Slavyanskiy srednevekovyy gorod* [The Slavic Medieval Town]. Proc. of the 6th International Congress of Slavic Archeology. Vol. 2. Moscow: Archeological Foundation. pp. 411-424.
12. Chernaya, M.P. (2002) *Tomskiy kreml' serediny XVII–XVIII v. Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [Tomsk Kremlin in the middle of the 17th – 18th centuries: The problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Chechulin, N.D. (1983) Russkie derevyannye zhilye postroyki v XVI veke [Russian wooden residential buildings in the 16th century]. *Zapiski Russkogo arkhеologicheskogo obshchestva*. 6(3–4). pp. 297-309.
14. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode's estate in Tomsk, 1660–1760-s.: Historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D-Print.
15. Zolnikova, N.D. (1982) "Narymskoe delo" 1642–1647 gg. [The "Narym case" of 1642–1647]. In: Pokrovskiy, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) *Drevnerusskaya rukopisnaya kniga i ee bytovanie v Sibiri* [Ancient Russian manuscript book in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 211-234.
16. Remezov, S. (1882) *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlenneya tobojskim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 g.* [The drawing book of Siberia, compiled by Tobolsk boyar Semen Remezov in 1701]. St. Petersburg.
17. Tataurov, S.F. & Chernaya, M.P. (2015) Usad'ba v Tarskoy kreposti: opyt rekonstruktsii kompleksa [The Tara Castle manor: the experience of reconstruction]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [The Russian Culture in archaeological research]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 214-219.
18. Ashchepkov, E.A. (1950) *Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoy Sibiri* [Russian folk architecture in Western Siberia]. Moscow: USSR Academy of Architecture.
19. Alferov, S.A. (2014) *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the 16th – 19th centuries – the Russian fortress on the bank of the Irtysh]. Omsk: Amfora.
20. Tikhonov, S.S. (2010) *Otchet o provedenii rabot na ob'ekte arkhеologicheskogo naslediya "Gorodishche" Tarskiy kreml' v 2010 g.* [The Report on the work at the site of the archaeological heritage "Gorodishche" Tara Kremlin in 2010]. The Archive of the Museum of the Siberian Peoples. The Omsk Branch IAE SB RAS. Fund 7-1. File 41.
21. Tataurova, L.V. (1996) *Otchet o raskopkakh poseleniya Bergamak I v Muromtsevskom rayone Omskoy oblasti v 1996 g.* [The report of the excavations in the settlement of Bergamak I in Muromtsevsky District, Omsk region, in 1996]. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Omsk State University. Fund II. Files 116-1, 116-2.
22. Tataurova, L.V. et al. *Adaptatsiya russkikh v Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVIII veke (po materialam arkhеologicheskikh issledovaniy)* [The adaptation of the Russian Western Siberia in the late of the 16th – 18th centuries (based on archaeological research)]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
23. Tataurov, S.F. (2004) Gvoz'd' v Sibiri [The nail in Siberia]. In: Sobolev, V.I. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsi-uma* [Ethnography of the archaeological complexes: problems of culture and society]. Vol. 8. Novosibirsk: Nauka. pp. 234-241.
24. Chernaya, M.P. (2004) Rol' voevodskoy usad'by v formirovanii sotsial'nogo oblika srednevekovogo goroda [The role of the voivode's estate in shaping the social image of the medieval city]. In: Voskresenskaya, M.A., Ryndina, O.M. & Chernyak, E.I. (eds) *Faktory formirovaniya dukhovnogo mira i sotsial'nogo oblika naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Factors of formation of the spiritual world and the social image of the Western Siberian population]. Tomsk: NTL. pp. 223-232.